

Криста Бем

Два заката

Криста Бем

Два заката

«Автор»

2026

Бем К.

Два заката / К. Бем — «Автор», 2026

Она — потомственный шериф, красавица с револьвером на поясе и сердцем, которое бьётся в такт копытам её вороного коня Буцефала. Ребекка Кортленд привыкла самой вершить закон в городке на Диком Западе. Но когда в её жизни появляются двое — светлый и нежный Габриэль, готовый дарить ей сказку, и тёмный, страстный Каллен, который видит её настоящую, — она оказывается перед выбором, который изменит всё. Две разные любви. Две судьбы, которые могли бы случиться. Кого выбрать? Как не разбить сердце и не предать своё собственное? Ребекка проживёт две жизни, каждая из которых будет наполнена опасными приключениями, семейными тайнами и большой любовью. Но в конце она поймёт главное: не важно, как ты проживёшь жизнь. Важно, с кем. Это роман о силе женского сердца, о том, что настоящая любовь не требует выбора, а сама находит путь. История о смелости быть собой, о том, что счастье возможно в любом варианте судьбы — если рядом есть те, кто готов идти с тобой до конца.

© Бем К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Два заката

Глава

Глава 1

Я родилась в небольшом городе в округе Техаса. Моя семья никогда не была богатой материально, но были богаты от того, что мы есть друг у друга.

У нас в семье есть потомственные шерифы, мой прадедушка был шерифом, дедушка и папа. Так получилось, что в моей семье не уродились мальчики, только мы с сестрой вдвоем, мама, будучи беременной третьим мальчиком, потеряла его и они с папой решили больше не травить себе душу в погоне за шерифом семьи.

Вскоре я подросла и стала шерифом, как папа Домен. А сестра, Роберта, младше меня на три года, занимается тем же чем и мама Милисия, печет пироги в нашей семейной пекарне. Спешу заметить, они получаются у нее очень вкусными, ей это дано, а вот мне с готовкой вообще не везет. Если берусь, то все наперекосяк — то что-то сожгу, то посуду побью или обожгусь. В общем, после долгих мучений, я решила, что это не мое, может быть, я когда-нибудь приду к этому. Главное сильно захотеть, ну а пока, я не хочу.

Я никогда не жаловалась на то, как меня наградила природа. Мама говорила, что я похожа на неё в молодости, только глаза у меня отцовские — серые, с холодной, которая, кажется, должна была отпугивать мужчин. Не отпугивает. Наоборот, почему-то действует на них как вызов. Волосы я не прячу — они чёрные, густые, падают на плечи, когда я снимаю шляпу, и тогда все в салуне замолкают на пару секунд. Я знаю этот эффект. Платья я ношу редко, но когда надеваю — делаю это так, чтобы запомнили надолго. Шериф в кружевах? Почему нет. Это же не запрещено законом. Главное — чтобы подол не цеплялся за револьвер на бедре. У меня есть четыре пары сапог: одни для парадов, одни для болота, одни для танцев и одни для работы. И да, я умею краситься. И не роняю помаду. Роберта была поражена.

Сейчас расскажу еще о каждом члене семьи, начну с мамы. Мама — моё зеркало, которое никогда не врёт. Она печёт хлеб, и в каждой её буханке столько тепла, что я иногда прихожу в пекарню просто постоять рядом, чтобы её руки коснулись моего лица — это лучше любого крема. Она всегда говорит: „Бекки, дочь, если ты выйдешь замуж за того верзилу из третьего участка, я буду печь торт целый год“. Я смеюсь. Она не знает, что я и правда не прочь. Но кто же посмеет посвататься к женщине, которая таскает преступников за шиворот? Мама знает ответ: тот, кто не боится. Поэтому она в это не верит. Она зовёт меня полным именем, певуче, и в этом звуке слышится её гордость. Когда я ухожу на задание, она крестит меня в спину мукой — и я чувствую, что её благословение тяжелее любого моего кольца.

Теперь о папе. Отец — единственный мужчина, чьё мнение для меня имеет значение. Мы с ним похожи: он высокий, статный, седина только добавила ему шарма. Он никогда не обращался со мной как с хрупкой девочкой, но всегда защищал мою женскую суть. Когда я впервые вышла на улицу в юбке, а не в джинсах, он посмотрел на меня и сказал: „Теперь бандиты будут сдаваться сами“. Он умеет делать комплименты так, что они звучат не как лесть, а как оценка. Мы делим работу поровну, но в глазах у него я до сих пор та малышка, которую он катал на Буцефале, когда тот был жеребёнком. Я люблю его за то, что он позволил мне быть сильной, но не перестал видеть во мне женщину.

Роберта — мой солнечный зайчик. Она на три года младше, но ведёт себя как старшая: пытается учить меня, как привлекать мужчин, как правильно сервировать стол, как плести косы. Я слушаю, киваю, а потом выхожу на патруль в кожаной куртке, и она вздыхает. Но между нами нет соперничества — она знает, что я ею восхищаюсь. Она кружевная, нежная, а я, по её словам, „слишком яркая, чтобы быть обычной“. Мы разные как небо и земля, но если кто-

то обидит Роберту в городе, этот человек на следующий день обнаружит, что его дом стоит на вечернем обходе у шерифа. Я не говорю ей этого, но я слежу за каждым её поклонником как самый суровый телохранитель.

И, конечно, же моем друге Буцефале. Буцефал, он — единственное существо, которое любит меня без оглядки на мою внешность. Ему всё равно, в платье я или в брюках, напачена или нет. Ему важно, как я дышу, как пахну, и дрожит ли моя рука на поводьях. Он — моя статусная птица: вороной, огромный, с белой звездой во лбу, которую все принимают за отметину дьявола, а я знаю — это печать судьбы. Когда я въезжаю на нём в город, люди оглядываются не на меня, а на него. И меня это устраивает. Потому что та, кто может укротить такого зверя, не нуждается в чужих комплиментах. Но когда он прижимается носом к моему плечу, я разрешаю себе быть просто девушкой, которая любит свою лошадь больше, чем любые бриллианты.

Глава 2

Я поправила шляпу и поправила ремень с кольцом — привычное движение, которое делаю машинально, как мама месит тесто. Утро выдалось тёплым, пыльным, и солнце золотило улицы нашего городка, пока я выезжала на Буцефале к восточному выезду. Отец сказал: «Банда Картера снова орудует у старой водокачки. Бери помощников». Я взяла. Но помощников оставила в переулке — пусть прикрывают тылы. Сама же выехала вперёд, навстречу пятерым всадникам, которые остановились прямо на дороге, как будто ждали меня.

Они ждали не меня, они ждали добычу. Но получили шерифа.

— Эй, красотка! — крикнул тот, что сидел на чалом мерине, сплюнул табак и ухмыльнулся. — Ты потерялась? Здесь не место для прогулок. Давай, скачи обратно, пока мы не обидели такую милую леди.

Я не осадил Буцефала. Я подъехала ровно на расстояние, достаточное, чтобы они видели значок на моей груди, и остановилась. Ветка упала с дерева, Буцефал фыркнул и переступил копытами. Я сняла перчатку и медленно, нарочито небрежно, поправила выбившуюся прядь волос.

— Мне нравится, что вы считаете меня милой, — сказала я, улыбнувшись так, как улыбаются зеркалу перед выходом в город. — Это значительно облегчит вашу сдачу. Бросайте оружие, господа. Именем закона.

Они засмеялись. Громко, грубо, с присвистом. Их главарь, Картер, широкоплечий мужчина с рыжей бородой, наклонился в седле и разглядывал меня как лошадь на ярмарке.

— Шериф? Ты? — он оглянулся на своих. — Слышали, мальчики? Эти ковбои уже и баб в шерифы ставят? А где твой папочка, красавица? Дома печенье жуёт?

Я продолжала улыбаться, но внутри уже всё замерло — как всегда перед выстрелом. Буцефал подо мной застыл как камень, готовый взвиться по моей команде. Я чувствовала, как его мускулы перекачиваются под седлом, как он ждёт моего дыхания.

— Мой папочка, — сказала я спокойно, — учил меня стрелять раньше, чем я научилась заплетать косы. Хочешь проверить?

Картер спрыгнул с коня и направился ко мне, хлопая револьвером по бедру. Он был наглым и уверенным, потому что видел только лицо и фигуру. Красивую. Женственную. В облегающей кожаной жилетке, с волосами, струящимися по плечам. Он видел не шерифа, а добычу. И это была его главная ошибка.

— Я, может, и хочу, — сказал он, подходя ближе, и потянулся рукой к моей лошади, чтобы схватить за уздечку. — Только ты, пташка, не знаешь, что такое настоящий мужской...

Договорить он не успел. Потому что в ту же секунду Буцефал взвился на дыбы, а я, не раздумывая, выхватила кольт и выстрелила. Пуля сбила шляпу с головы Картера и унеслась в

песок. Остальные всадники дёрнулись, но уже не успели — из переулков с двух сторон выехали помощники с ружьями наперевес.

Тишина наступила тягучая, как патока. Я опустила револьвер, слегка крутанула его на пальце и убрала в кобуру, потом снова поправила волосы.

— Я повторять не люблю, господин Картер. Ваша банда арестована за ограбление почтового дилижанса, сопротивление закону и оскорбление шерифа. Надеюсь, в тюрьме вы запомните: если женщина носит значок, она умеет его носить.

Их повязали в считанные минуты. Я стояла рядом, наблюдая, как помощники затягивают верёвки на запястьях бандитов. Картер смотрел на меня с какой-то смесью злобы и недоумения, но говорить больше не пытался. Кони фыркали, потягивая воздух, пахло порохом и пылью. Я подняла его шляпу, стряхнула с неё пулевую дыру и небрежно бросила ему в лицо.

«Сувенир».

Вечером, когда я заехала в конюшню и расседлала Буцефала, отец уже ждал меня у ворот. Он сидел на бревне, чистил трубку и молчал. Я знала этот взгляд. Он видел всё из окна шерифа, я знала. Он не выходил, потому что доверял мне. И сейчас смотрел — на меня, на мои руки, испачканные смазкой, на мои волосы, которые растрепались в перестрелке, но всё ещё блестели в закатном солнце.

Он поднялся, подошёл и крепко сжал моё плечо. Я почувствовала его ладонь — тяжёлую, привычную с детства.

— Ты у меня, дочка, — сказал он тихо, и в голосе его не было усталости, — и есть самый лучший закон, который только можно было придумать. Запомни: твоя красота — это не слабость. Это приманка для дураков. А ты у нас умница. И я горжусь тобой так, как не гордился ни одним мужчиной в этом участке.

Он улыбнулся одними глазами, и я уткнулась носом в его плечо, чтобы он не видел, как у меня защипало от нечаянных слёз. Буцефал рядом мотнул головой и тихо заржал, словно одобрял.

«Пойдём ужинать, — сказал отец. — Мама спекла твой любимый яблочный пирог. И Роберта уже полдня орет, что будет учить тебя танцевать, потому что в субботу бал. Пирог потом, — добавил он серьёзно, — а сначала зайди в пекарню и скажи Милисии, что её дочь — герой».

Я рассмеялась, тряхнула волосами и пошла к дому, чувствуя, как тяжесть кольта привычно бьёт по бедру. И знала: завтра я снова надену шляпу, значок и улыбнусь солнцу. Потому что быть красивым шерифом — это тоже искусство. И я им владею в совершенстве.

Когда я вошла в пекарню, меня накрыло волной тепла и дрожжевого духа. Мама стояла у печи, вытирая руки о передник, и даже не обернулась — но я знала, что она уже всё знает. В нашем городе новости бегут быстрее, чем Буцефал на короткой дистанции.

— Руки мыть, — сказала она спокойно, не поворачиваясь. — И не смей садиться за стол в этой пыли, Бекки. Там, на улице, ты шериф, а здесь — моя дочь.

Я улыбнулась и послушно пошла к рукомойнику. Смыла с пальцев пороховую гарь, потрогала воду — тёплую, с маминым мылом, пахнущим лавандой. В зеркале на стене мелькнула я: растрёпанная, но глаза горят, щёки разругались от ветра и адреналина. Я провела ладонями по волосам, расправила плечи и подмигнула своему отражению.

— Ты сегодня неотразима, — сказала я себе. — Как и всегда.

Роберта влетела в комнату с подносом, на котором громоздились тарелки с горячим мясом, тушёными овощами и горой свежего хлеба, от которого шёл пар.

— Боже, ты бы видела свои волосы! — воскликнула она, ставя поднос на стол. — Идём, я тебе заплету косу, а то сидишь за ужином как дикарка.

— Я дикарка, которая сегодня обезвредила банду Картера, — парировала я, но села на стул и покорно подставила голову. Роберта ловко запустила пальцы в мои пряди, и я прикрыла

глаза. Приятно. Мама ставила на стол, папа уже сидел в своём кресле и набивал трубку, но не зажигал — дожидался, когда все соберутся.

— Ну, рассказывай, — сказал он, когда я открыла глаза и повернула голову к столу. — Я видел только финал. Как ты их взяла?

Я усмехнулась и взяла в руки кружку с маминым травяным чаем.

— Картер подошёл ко мне как к игрушке. Решил, что я какая-то глупая баба, которая потерялась по дороге к модистке. Начал хамить, тянуть руки к Буцефалу. Я дала ему ровно три секунды, чтобы убрать лапы. Он не убрал. Пришлось стрелять.

— В шляпу, — усмехнулся отец. — Я заметил. Метко.

— Я не хотела убивать с первого выстрела, — пожала я плечами. — Хотя заслужил. Но я дала ему шанс. Остальные сдались без боя, как только помощники выехали из переулков. Я даже не вспотела.

— Врёшь, — сказала мама, ставя передо мной тарелку с огромным куском пирога. — Потому что с твоего лба капало, когда ты зашла. Ешь. Ты пропустила обед.

Я глотнула чай и вонзила вилку в пирог. Яблоки, корица, хрустящая корочка — мамино волшебство. Напротив сидела Роберта и смотрела на меня с обожанием и лёгкой завистью.

— И вот так просто? — спросила она. — Он даже не пытался схватить тебя за лошадь?

— Пытался, — я пожала плечами. — Буцефал взвился. А я выстрелила. Всё просто, если у тебя есть хороший конь и быстрая рука.

Отец наконец зажёл трубку, и сизый дым поплыл к потолку. Он смотрел на меня поверх стола, и в его взгляде было то самое тепло, которое он показывал только здесь, за ужином, когда все шторы задвинуты и город остаётся снаружи.

— Я горжусь тобой, дочка, — сказал он тихо, но так, что заглушил треск свечей. — Не только за сегодняшнюю операцию. А за то, что ты не перестаёшь быть собой. Ты могла бы быть жёсткой, злой, закрыться от всех. Но тыходишь в дом — и ты моя дочь. С кружкой чая и с этой улыбкой. Многие шерифы теряют себя. Ты — нет.

Я почувствовала, как комок подступил к горлу. Роберта вздохнула и положила руку мне на плечо.

— Папа, не растрогай её, она тогда не сможет танцевать в субботу на балу! — сказала она, стараясь перевести всё в шутку.

Я рассмеялась, и комок растаял.

— Танцевать? — переспросила я. — Ты серьёзно? Я до сих пор помню, как в прошлый раз наступила на ноги троим парням.

— Ничего, — отмахнулась мама, подливая мне чаю. — Я научу. Ты умеешь скакать на лошади и стрелять с двух рук — значит, научишься и танцевать. Сама красивая, и платье у тебя есть. — она подмигнула отцу. — Домен, скажи ей.

Отец выпустил клуб дыма и ухмыльнулся:

— Если Бекки выйдет в свет, половина бандитов сдастся без боя, потому что они подумают, что это ангел спустился на грешную землю. А вторая половина сама побежит в участок, чтобы просто познакомиться.

Я закатила глаза, но внутри всё пело. Вот оно — моя семья. Моя пекарня, мои ворота. Буцефал ждал меня в конюшне, зная, что утром я принесу ему морковку и скажу все слова, которые не говорю людям. А сейчас я сидела между мамой, сестрой и отцом, и город за окном казался далёким, как горизонт.

— Ладно, — сказала я, отламывая кусок хлеба. — На бал так на бал. Но если я наступлю кому-то на ногу в шелковых туфлях, то пусть он помнит: это была я, шериф Ребекка, и он обязан улыбнуться, потому что арестовывать за испорченный танец я его не буду.

Все засмеялись. Роберта чмокнула меня в щёку и убежала за вторым пирогом. Мама гладила меня по руке и тихо напевала что-то старое, папино. А отец протянул через стол свою ладонь, и я вложила в неё свою, чувствуя тепло его мозолистых пальцев.

Мы ужинали, смеялись, пили чай, и я знала: даже если завтра меня будет ждать новая банда, новый выстрел и новая погоня, этот вечер останется со мной. Тёплый, пахнущий корицей и отцовским табаком. Лучший отдых от закона — это любовь. А у меня её было так много, что хватило бы на целый округ.

Глава 3

Суббота наступила быстрее, чем я ожидала. Всю пятницу я провела в конюшне, чистила сбрую, проверяла копыта Буцефалу и мысленно репетировала, как буду стоять в платье и не хвататься за кольт, которого на мне не будет. Эта мысль пугала больше, чем перестрелка с тремя бандитами сразу. Без револьвера я чувствовала себя голой. Но мама сказала: «Бекки, на балу стреляют только глазами», — и я сдалась.

В субботу вечером я стояла перед зеркалом в своей комнате и не узнавала себя. Платье было изумрудного шёлка — мама сшила его тайком, три месяца, по ночам, когда я думала, что она спит. Оно облегалось талию, мягко струилось по бёдрам и открывало плечи, оставляя руки обнажёнными до локтей. Я подняла волосы в сложную причёску, открыв шею, и добавила пару локонов, которые Роберта накрутила мне на шпильки. В ушах — мамины жемчужины, которые она носила только по великим праздникам. «Ты, дочка, и есть мой великий праздник», — сказала она, вдевая их мне в уши.

Роберта стояла рядом в пышном голубом платье, кружилась перед зеркалом и болтала без умолку:

— Ты будешь королевой бала, я знаю. Все мужчины будут смотреть на тебя, а ты будешь делать вид, что смотришь на люстру. Ох, если бы у меня была твоя фигура... и твои глаза... и твой...

— Роби, — остановила я её, улыбаясь. — Если ты скажешь ещё один комплимент, я надену джинсы и пойду патрулировать.

— Только попробуй, — грозно сказала мама, появляясь в дверях. Она была в своём лучшем платье — тёмно-вишнёвом, с кружевным воротничком. Волосы аккуратно уложены, глаза сияют. — Ты пойдёшь и будешь танцевать, как леди. Домен, иди сюда, посмотри на наших девочек!

Отец вошёл в комнату, и у меня перехватило дыхание. Он надел свой парадный костюм, тот, в котором венчался с мамой. Чёрный сюртук, белая рубашка, начищенные сапоги. Усы аккуратно подкручены, седая голова гордо поднята. Он посмотрел на меня так, как смотрят на что-то очень дорогое и бесценное, и я увидела влажный блеск в его глазах, который он попытался скрыть, прокашлявшись.

— Дочь, — сказал он хриловато, протянул руку и поправил локон на моём плече. — Я думал, что лучше тебя только твоя мать в день нашей свадьбы. Теперь я вижу: вы обе наравне. Ты — моя гордость. Иди. Покори этот город. А если кто-то посмеет тебя обидеть, — он усмехнулся, — я знаю, ты справишься сама. Но я всё равно буду рядом.

Я обняла его, чувствуя, как кружево платья мнётся о его сюртук. Роберта всхлипнула в уголке, мама закатила глаза, но сама вытерла слезу уголком фартука.

— Хватит слёз, — сказала я бодро. — Мы идём танцевать. Я даже обещаю никого не арестовывать до полуночи.

Банкетный зал городской ратуши сиял. Сотни свечей в хрустальных подсвечниках отражались в огромных зеркалах, создавая иллюзию бесконечного света. Потолок был расписан облаками и амурами, а вдоль стен стояли длинные столы, ломившиеся от угощений: запечённые индейки, окорока, корзины с фруктами, горы пирожных и мамины фирменные пироги,

которые она принесла сама. Музыканты в углу настраивали скрипки, и в воздухе витал аромат цветов, воска и духов.

Я стояла у входа и чувствовала на себе взгляды. Мужчины оборачивались, женщины перешёптывались за веерами. Я привыкла к тому, что на меня смотрят, когда я в форме и на Буцефале. Но в платье это было иначе — не с опаской, а с восхищением. Я расправила плечи, подняла подбородок и улыбнулась той самой улыбкой, которую прятала под шляпой.

— Пойдём, — прошептала Роберта, схватив меня за руку. — Там такой офицер с усами... я сразу его заметила. Но ты иди к столу, возьми пунш, просто постой красиво.

Я послушно двинулась к столу, налила себе лимонного пунша и встала у колонны, рассматривая танцующих. Люди кружились в вальсе, платья шелестели, кавалеры что-то шептали на ухо дамам. Я чувствовала себя статуей — красивой, но немного чужой.

И тут он подошёл.

Я слышала его шаги раньше, чем увидела — уверенные, неторопливые. Мужчина лет тридцати, высокий, широкоплечий, с пепельными волосами, зачёсанными назад, и глазами такого тёплого серо-зелёного оттенка, что я на миг забыла, как дышать. На нём был тёмно-синий фрак с серебряными пуговицами, безупречно сидящий, и белый шейный платок, повязанный с элегантной небрежностью.

— Шериф Ребекка? — спросил он, и голос его был низким, с лёгкой хрипотцой, от которой у меня мурашки побежали по рукам. — Прошу прощения за бесцеремонность, но мне сказали, что самая красивая женщина в этом зале стоит у колонны с видом, будто готовится к перестрелке. Я решил проверить, не нужна ли вам помощь в укрощении особенно опасного пирожного.

Я моргнула, потом рассмеялась — не сдержанно, как обычно, а звонко, от души.

— Пирожное пока сдалось без боя, — ответила я, протягивая руку. — Но я предупреждаю: если оно начнёт стрелять, я защищаться буду только веером.

Он взял мою руку, и я почувствовала тепло его пальцев, чуть шершавых, сильных. Он слегка наклонился, не целуя, но почти касаясь губами моей кожи.

— Габриэль Кортленд, — представился он. — К вашим услугам, мисс... или мисс шериф?

— Ребекка, — сказала я, и почему-то это прозвучало мягче, чем я планировала. — Просто Ребекка.

— Прекрасное имя, — он улыбнулся, и у него была та улыбка, которая сразу располагает — не наглая, не заискивающая, а тёплая, как мамин чай. — Ребекка, я заметил, что вы стоите в стороне. Могу я пригласить вас на танец? Или вы боитесь, что я наступлю вам на ноги?

— Я боюсь, что наступлю вам, — честно призналась я, и он рассмеялся — громко, искренне, так, что несколько голов повернулись к нам.

— Тогда мы в одинаковом положении. Рискнём?

Я кивнула, и он повёл меня в центр зала. Музыка заиграла вальс, и я положила руку ему на плечо, чувствуя, как его ладонь легла на мою талию, чуть ниже, чем у других кавалеров, но настолько естественно, что я не стала возражать. Мы начали кружиться, и я закрыла глаза на мгновение, чувствуя, как он ведёт меня мягко, уверенно, не дёргая, а будто подхватывая мои движения.

Но вальс — вещь коварная. Ровно на середине я запнулась о край собственного платья, потеряла равновесие и со всей дури наступила ему на ногу — каблуком, острым, коварным. Он слегка качнулся, но удержал меня, не выпуская из рук.

— Простите! — выдохнула я, чувствуя, как жар заливает щёки. — Я предупреждала!

Он посмотрел на меня сверху вниз, и в глазах его плясали искры.

— Ребекка, — сказал он серьёзным тоном, наклоняясь к моему уху так, что я почувствовала его дыхание на своей шее, — если бы я знал, что моя нога станет жертвой такой красивой

девушки, я бы подставил и вторую. Не извиняйтесь. Мне нравится, когда женщина оставляет след.

Я засмеялась, и мы продолжили танцевать, но теперь я была спокойнее — он держал меня так, будто знал все мои движения наперёд. Даже когда я сбивалась, он просто подхватывал меня, и это казалось не ошибкой, а частью танца.

Музыка затихла, мы остановились. Сердце колотилось, в висках стучало, а я смотрела на него и понимала, что хочу продолжения. Он проводил меня к столу, подал бокал пунша и сел рядом, совсем близко, так что я чувствовала запах его одеколона — древесный, чуть пряный.

— Вы не похожи на местных, — сказала я, рассматривая его профиль. — Откуда вы?

— Из столицы, — ответил он спокойно. — Приехал по делам, но задержался, потому что мне сказали, что в этом городе есть шериф, который... как бы это сказать... не носит платья.

— И вы решили проверить, правда ли это, — подхватила я.

— Я решил проверить, насколько правдива молва о красоте, которая скрывается под шляпой, — поправил он. — И я не разочарован.

Я почувствовала, как внутри разливается тепло, но не показала виду.

— А вы смелый, мистер Кортленд. Не каждый мужчина решится танцевать с женщиной, которая вчера арестовала банду с одним выстрелом.

— Я всегда любил риск, — сказал он, и в голосе его не было ни капли бравады. — И я привык, что за красивым фасадом часто скрывается куда больше, чем можно увидеть с первого взгляда. Вы — именно такой случай.

Я не нашлась с ответом, и мы просто сидели, глядя на танцующих. Роберта мелькнула где-то в толпе, помахала мне рукой и подмигнула. Мама танцевала с отцом в углу — он обнимал её, как в молодости, и она смеялась, запрокинув голову. Я смотрела на них и чувствовала, что этот вечер уже стал одним из лучших в моей жизни.

Когда часы пробили одиннадцать, я вздохнула.

— Мне пора, — сказала я нехотя. — У меня завтра ранний патруль. И Буцефал будет скучать.

Габриэль встал, подал мне руку.

— Тогда позвольте проводить вас до дома. Город ночью опасен даже для шерифа, особенно в шелках.

Я хотела возразить, но кивнула. Мы вышли под звёзды, и воздух был прохладным, пах свежей травой и цветами. Он снял фрак и накинул мне на плечи, и я не стала отказываться — было приятно чувствовать запах его одежды рядом. Мы шли по пустынной улице к дому, а он молчал, и молчание это было лёгким, как ветер.

Когда мы подошли к воротам, Буцефал услышал мои шаги и заржал, высунув голову из конюшни. Я улыбнулась, подошла к нему, погладила по морде.

— Это он, — сказала я. — Мой самый верный напарник.

Габриэль остановился в паре шагов и разглядывал Буцефала с искренним восхищением.

— Красавец, — сказал он тихо. — Чистокровный? Вороной масти, белая звезда... Я понимаю, почему вы его любите. У меня тоже есть лошадь. Звезда. Гнедая кобыла, белый носок на передней ноге. Она не такая... величественная, но верная, как пёс. И я её обожаю.

Я повернулась к нему, и Буцефал ткнулся носом мне в плечо, будто ревнуя.

— Звезда, — повторила я, и имя это прозвучало мелодично. — Красивое имя. Вы любите лошадей?

— Больше, чем многих людей, — признался он с лёгкой иронией. — Это не комплимент людям.

Я рассмеялась.

— Тогда мы одинаковы.

Он смотрел на меня, и в его взгляде была тишина, которая говорит больше слов. Потом он взял мою руку, и я почувствовала, как он мягко поглаживает мои пальцы, привыкшие к револьверу и поводьям.

— Можно я увижу вас снова? — спросил он тихо. — Не в качестве преступника, конечно. Просто... поужинать. Или выгулять Звезду вместе с Буцефалом. Если они поладят.

Я подняла глаза, встретила с его тёплым, серьёзным взглядом, и поняла, что хочу сказать «да» быстрее, чем успеваю подумать.

— Можно, — сказала я. — Только предупреждаю: Буцефал ревнивый.

— Я тоже, — усмехнулся он. — Но ради вас я готов делить.

Он отпустил мою руку, поклонился — изящно, по-старинному — и пошёл назад, в ночь. Я стояла у ворот, чувствуя, как фрак всё ещё греет мои плечи, и смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

— Бекки, ты простудишься! — раздался из окна мамин голос. — Иди в дом, уже поздно! У тебя завтра патруль!

Я вздохнула, чмокнула Буцефала в нос и вошла в дом. На столе меня ждал мамин горячий чай и записка от Роберты: «Он красивый. Я видела. Завтра расскажешь всё. Или я умру от любопытства».

Я засмеялась, сняла туфли, поставила их аккуратно у двери и села на кухне, глядя на звёзды за окном. Утро было на пороге. И это утро обещало быть другим.

Глава 4

Утро после бала встретило меня солнечным светом, пробивающимся сквозь кружевные занавески. Я лежала в постели, глядя в потолок, и улыбалась как дурочка. Воспоминания кружились в голове: тёплые серо-зелёные глаза Габриэля, его низкий голос с хрипотцой, его рука на моей талии, и то, как он рассмеялся, когда я наступила ему на ногу. Я прижала подушку к лицу и тихо застонала.

— Ты жива? — дверь распахнулась, и в комнату впорхнула Роберта с подносом в руках. — Ты пропустила завтрак, мама волнуется, Буцефал уже три раза фыркнул в твою сторону, а я принесла тебе чай и булочку, потому что если ты не встанешь до полудня, я умру от любопытства.

Я села, поправила ночную рубашку и взяла у неё кружку. Чай был горячий, с мятой и мёдом — мамин фирменный рецепт для «утреннего прояснения головы».

— Роби, я ещё ничего не решила, — сказала я, пряча улыбку в кружку.

— Ты решила, я вижу по твоим глазам! — она плюхнулась на край кровати и поджала ноги. — Рассказывай! Кто он? Откуда? Где живёт? Женат? И почему у него такие глаза, что я чуть не растеряла все свои локоны, когда увидела вас танцующими?

Я вздохнула, понимая, что от Роберты не уйти.

— Его зовут Габриэль Кортленд. Он из столицы, приехал по делам. Не женат, насколько я знаю. Он умный, остроумный, не испугался меня ни на секунду и... — я замолчала, чувствуя, как тепло разливается в груди, — когда я наступила ему на ногу, он сказал, что подставил бы и вторую.

Роберта взвизгнула и захлопала в ладоши.

— О, это же идеально! Такой мужчина — и не боится твоих каблучков? Бекки, ты обязана его снова увидеть. Он обещал?

— Обещал, — кивнула я, и сама удивилась, как легко это прозвучало. — Сказал, что хочет покататься вместе. У него есть лошадь, Звезда.

Роберта мечтательно закатила глаза и подскочила.

— Я скажу маме, чтобы она испекла свой знаменитый медовый торт для твоего следующего ужина. Идём, Буцефал тебя уже заждался, а я должна знать все детали до того, как ты снова исчезнешь в патруле.

Я оделась быстро — джинсы, простая рубашка, кожаная жилетка, сапоги. Волосы собрала в низкий хвост, слегка напмадила губы и вышла во двор. Буцефал встретил меня громким ржанием и ткнулся мордой в плечо. Я чмокнула его в носик и провела ладонью по гриве.

— Здравствуй, мой хороший. Я знаю, ты слышал о нём. И не ревнуй, ты у меня самый главный мужчина в жизни.

Конь фыркнул и тряхнул головой, будто говоря: «Посмотрим». Мама уже стояла на пороге пекарни, вытирая руки о передник и улыбаясь.

— Бекки, милая, у тебя глаза сияют как у меня в твои годы, — сказала она, подходя ближе и поправляя мой воротник. — Только осторожно. Мужчины с такими улыбками — они либо ангелы, либо дьяволы. Разница не сразу заметна.

— Мама, он просто пригласил меня на прогулку, — рассмеялась я. — Никакого дьявола.

— Я знаю, — она провела рукой по моей щеке. — Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Ты заслуживаешь того, кто видит в тебе женщину, а не только шерифа.

Весь день я кружила по городу на Буцефале, проверяла посты, разговаривала с торговцами и старалась не думать о Габриэле. Получалось плохо. Я видела его лицо в отражении витрин, слышала его голос в каждом порыве ветра и проклинала себя за это.

К вечеру я вернулась в конюшню, расседлала Буцефала, начала чистить его щёткой, когда за спиной послышался знакомый голос:

— Я надеюсь, вы не арестуете меня за вторжение на частную территорию?

Я обернулась. Габриэль стоял у входа в конюшню — белая рубашка, тёмные брюки, сапоги, лёгкая небритость на подбородке, и та самая улыбка. В руках он держал что-то свёрнутое в ткань.

— Зависит от того, что вы принесли, — ответила я, пряча улыбку. — Если это оружие или подозрительное пирожное, я буду вынуждена задержать вас.

— Боюсь, это гораздо опаснее, — сказал он, подходя ближе. Он остановился рядом с Буцефалом, который насторожил уши, но почему-то не заржал и не отпрянул. Габриэль протянул свёрток. — Это яблочный пирог из вашей маминой пекарни. Я решил, что подкуп — лучший способ избежать тюремного заключения.

Я взяла пирог, чувствуя исходящее от него тепло, и рассмеялась.

— Вы купили пирог у моей мамы, чтобы прийти к её дочери? Вы либо гениальный стратег, либо безрассудный романтик.

— Возможно, и то, и другое, — он перевёл взгляд на Буцефала и осторожно протянул ладонь к его морде. — Здравствуй, красавец. Твоя хозяйка вчера украла моё сердце. Я надеюсь, ты не против.

Буцефал секунду смотрел на него, потом фыркнул и лизнул его ладонь. Я изумлённо распахнула глаза.

— Он тебя принял, — сказала я тихо. — Это... неожиданно.

— Моя Звезда тоже меня ревнует, — усмехнулся Габриэль, не убирая руки. — Я понимаю животных. Мы с ними договариваемся. Не приказываем, а договариваемся.

В этот момент я почувствовала, что сердце забилося быстрее. Он стоял в моей конюшне, гладил моего коня, держал в руках мамин пирог и смотрел на меня так, будто я была единственным человеком на свете.

— Ты хотела покататься завтра? — спросил он, назвав меня на «ты», и я не возражала. — Я приведу Звезду. Мы могли бы поехать к старому мосту через реку, там красиво на закате. Если, конечно, у шерифа есть выходной.

— У шерифа всегда есть выходной, если он хочет его взять, — ответила я, и в голосе моём прозвучала та самая женская нотка, которую я так часто прятала. — Я буду ждать у городского выезда. В семь вечера.

Он кивнул, не отводя глаз.

— В семь. Буду с нетерпением.

После его ухода я стояла в конюшне с пирогом в руках, глядя, как солнце садится за горизонт. Буцефал ткнулся носом в моё плечо и тихонько заржал, будто одобряя.

— Знаю, — сказала я ему. — Я тоже чувствую. Он особенный.

Когда я вошла в дом, за столом уже сидели все. Мама подавала ужин, папа читал газету, Роберта подпрыгивала на стуле, увидев пирог.

— Это от него? — выдохнула она. — Он сам пришёл?

— Сам, — ответила я, ставя пирог на стол. — И Буцефал его принял.

Отец отложил газету, уставился на меня поверх очков.

— Тот самый Габриэль Кортленд, о котором судачат по всему городу? Говорят, он из богатой семьи, а я слышал, у него в столице собственное дело, связанное с лошадьми. Но главное, — он хитро прищурился, — он пришёл не к маме за пирогом, а к тебе. Это хороший знак.

Мама налила мне чай и тихо, почти шёпотом, сказала:

— Ты ему понравилась. А он тебе — я вижу. Это называется начало, Бекки. Не бойся. Будь собой, остальное придёт.

Я села за стол, взяла кусок пирога, откусила и закрыла глаза. Яблоки, корица, и немного мёда — мамино мастерство. Внутри меня закружилось тепло, такое же сладкое, как этот пирог, и такое же тёплое, как его улыбка.

Завтрашний вечер обещал быть чем-то большим, чем просто прогулка. Я чувствовала это всей кожей. И ждала, как никогда не ждала ни одного своего патруля.

Глава 5

На следующий день я не находила себе места. Утро тянулось как резина, патруль прошёл мимо моих глаз, не оставив следа. Я проверила документы у трёх торговцев, дважды обогнула городскую площадь, заглянула в салун — просто чтобы убедиться, что там тихо, — но мысли мои были далеко. На старой иве у городского выезда, у реки, у заката, у него.

Буцефал чувствовал моё беспокойство — прижимал уши, фыркал, косил на меня чёрным блестящим глазом. Я поглаживала его шею, шептала что-то успокаивающее, но сама не верила своим словам.

— Ты только представь, — говорила я ему, пока мы неторопливо брели по улице, — он приедет на своей Звезде, и мы поедem к мосту. Я же просто хочу увидеть его снова. Просто поговорить. Ничего особенного.

Буцефал фыркнул с таким выражением, будто сказал: «Ты врёшь, и я знаю это».

К обеду я вернулась домой и застала маму и Роберту за обсуждением явно не кулинарных вопросов. При моём появлении они разом замолчали и уставились на меня так, будто я была приговорённой к казни.

— Что? — спросила я настороженно.

— Ты сегодня вечером встретишься с Габриэлем, — сказала Роберта тоном, не терпящим возражений. — Ты поедешь не в джинсах.

— Роби, я буду ездить верхом, — возразила я, но она уже подскочила и схватила меня за руку.

— Джинсы — это для работы, а для свидания — платье. Я тебе подобрала. Лёгкое, летящее, бежевое. Ты в нём неотразима, и я не приму отказа.

Я хотела сказать, что это глупо, что я должна быть практичной, что на лошади в платье неловко, но мама подошла и положила руку мне на плечо.

— Дочь, — сказала она тихо. — Ты красивая женщина. Позволь себе быть ею хоть раз. Не ради него, ради себя. Платье не мешает тебе быть сильной, если это понадобится. А просто покажет ему, что ты умеешь быть разной.

Я сдалась. Через час я стояла перед зеркалом в бежевом платье из тонкого хлопка, с вышивкой по подолу и рукавами до локтя. Роберта оставила мои волосы распущенными, добавила в них пару маленьких шёлковых цветов, а на шею повязала тонкую цепочку с кулоном в виде лошадиной подковы — мой талисман.

— Идеально, — сказала она, отходя на шаг. — Если он не влюбится в тебя сегодня окончательно, я больше не буду шить платья.

Я рассмеялась, но в глазах у меня стояло волнение, которое я не могла спрятать. Я надела сапоги — не грубые рабочие, а мягкие, с невысоким каблуком, собрала маленькую сумку с водой и яблоком, и вышла к Буцефалу. Конь уставился на меня с явным удивлением: обычно я не выглядела так на выездах.

— Знаю, — сказала я, похлопывая его по морде. — Но сегодня всё иначе.

Я оседлала его, подтянула подол так, чтобы он не мешал ногам, и выехала к городскому выезду. Солнце стояло уже низко, отбрасывая длинные золотые тени, воздух пах полынью и рекой. Я ждала у старой ивы, чувствуя, как сердце колотится в груди.

Он появился ровно в семь. Сначала я услышала цокот копыт, потом увидела его силуэт на фоне закатного неба. Габриэль сидел на гнедой кобыле — невысокой, но статной, с белым носком на передней ноге, как он и говорил. Сама Звезда была под стать своему хозяину: умные тёмные глаза, лёгкий шаг, спокойный нрав.

Он был в белой рубашке с распахнутым воротом и тёмных брюках, заправленных в высокие сапоги. Волосы, слегка растрёпанные ветром, блестели в лучах солнца, а улыбка его осветила всё вокруг.

— Ребекка, — сказал он, подъезжая. — Ты... — он на мгновение замялся, и я заметила, как его взгляд скользнул по моему платью, по волосам, по всему моему облику. — Ты выглядишь так, что я забываю, как дышать.

Я почувствовала, как жар заливает щёки, но нашла в себе силы улыбнуться.

— Я тоже могу забывать, когда вижу вас верхом. Звезда прекрасна, она тебе под стать.

Он рассмеялся, и мы поехали рядом, неспешно, по пыльной дороге в сторону старого моста. Буцефал сначала косился на Звезду, но кобыла вела себя идеально спокойно, и мой вороной скоро перестал обращать на неё внимание.

— Ты всегда так красиво одеваешься? — спросил Габриэль, поворачиваясь ко мне. — Или ты специально для меня?

— Специально для себя, — ответила я честно. — Ты только повод.

Он улыбнулся, и в его глазах промелькнуло что-то тёплое и понимающее.

— Мне нравится, как ты это сказала.

Мы ехали по дороге, опоясывающей поле, усеянное полевыми цветами. Пахло травой и сухой землёй. Где-то вдалеке мычали коровы, и слышалось журчание реки. Я чувствовала себя легче, чем за последнюю неделю — даже легче, чем после хорошей перестрелки. Ветер развевал мои волосы, и я иногда поправляла их рукой, ловя его взгляд.

Когда мост показался впереди, я невольно замерла. Старая каменная кладка, поросшая мхом, арка, перекинутая через реку, по которой вода бежала быстро и чисто, искрясь в лучах заката. Это было место, куда я иногда приезжала одна, чтобы подумать. Но сейчас оно казалось иным — ожившим, тёплым, красивым.

— Красиво, — сказал Габриэль, останавливая Звезду. — Я не ожидал, что в вашей глуши может быть такая красота.

— В нашей глуши, как вы выразились, много всего красивого, — парировала я, спрыгивая с Буцефала и ведя его к воде. — Просто мы не показываем это первому встречному.

Он тоже спешил, привязал Звезду к ветке и подошёл ко мне. Мы стояли у воды, глядя на закат, и молчание было полным, но не тягостным. Я слышала его дыхание, чувствовала его присутствие рядом, и это казалось естественным, как ветер или солнце.

— Ребекка, — начал он после долгой паузы. — Я хочу спросить тебя кое-что. Не как шерифа, а как женщину. Что ты чувствуешь, когда тебя видят только в значке? Когда за твоим званием забывают, что ты — просто человек?

Я задумалась, глядя на воду.

— Иногда я устаю быть шерифом, — призналась я тихо. — Мне нравится моя работа, я люблю её и горжусь ею. Но иногда хочется, чтобы меня видели просто Ребеккой. Чтобы кто-то сказал: «Бекки, у тебя сегодня красивые волосы», или «Бекки, как прошёл твой день?», не думая о том, сколько преступников я поймала.

Он сделал шаг ближе — так, что я почувствовала тепло его тела.

— Тогда я скажу тебе сейчас: у тебя сегодня красивые волосы, Ребекка. И я хочу знать, как прошёл твой день. Только твой день. А не отчёт о работе.

Я повернулась к нему и встретила его глаза. Серо-зелёные, тёплые, в них светилось что-то, что заставляло моё сердце замирать.

— Мой день прошёл в ожидании, — сказала я, и голос мой дрогнул. — Я думала о тебе. И о том, что будет, если ты решишь, что я не стою твоего времени.

Он взял мою руку, переплёл свои пальцы с моими, и я почувствовала, как его ладонь обхватывает мою — крепко, нежно, будто он боялся, что я упаду.

— Ты стоишь, — сказал он твёрдо. — Ты стоишь больше, чем любой человек, которого я встречал. Ты сильная, красивая, умная, и у тебя сердце, которое бьётся не только за закон, но и за жизнь. Я вижу это.

Он поднёс мою руку к своим губам и поцеловал — медленно, почтительно, так, что я забыла, где нахожусь. Мир сузился до его губ на моей коже и его глаз, смотрящих на меня.

— Габриэль... — начала я, но он улыбнулся и прервал меня.

— Ты не должна ничего говорить. Просто позволь мне быть рядом. Сегодня, завтра, когда захочешь.

Мы стояли на мосту, держась за руки, глядя на закат, который окрасил небо в золото и пурпур. Буцефал мирно пасся у воды, Звезда жевала траву невдалеке. И в этом моменте было всё — и шёпот реки, и запах полыни, и тепло его руки. Я почувствовала себя такой живой, как не чувствовала никогда.

Через час, когда солнце уже садилось за горизонт, мы поехали назад. Я чувствовала себя странно — счастливой, напуганной, трепетной, но в то же время спокойной. Он не пытался меня поцеловать, не делал резких движений, но каждое его слово, каждый взгляд был наполнен таким вниманием, что я терялась.

Когда мы подъехали к моему дому, он остановил Звезду у ворот, спрыгнул и подошёл ко мне. Я тоже спешила, и мы стояли друг напротив друга, уже в сумерках.

— Завтра у меня встреча с партией лошадей, — сказал он. — Но послезавтра я снова буду здесь. Если ты хочешь.

— Хочу, — выдохнула я, прежде чем успела подумать. — Я хочу.

Он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня слабели колени.

— Спокойной ночи, Ребекка.

— Спокойной ночи, Габриэль.

Он сел на Звезду и уехал, а я стояла у ворот, провожая его взглядом, пока он не исчез за поворотом. Внутри меня билось что-то новое — трепетное, яркое, живое.

Я вошла в дом, и Роберта чуть не опрокинула стул, когда увидела моё лицо.

— Он поцеловал тебя? — выпалила она. — Он сделал предложение? Ты влюблена?

— Роби, — сказала я, садясь на стул и пряча улыбку в ладонях. — Я не знаю, что происходит. Но я хочу, чтобы это продолжалось.

Мама подошла сзади, обняла меня за плечи и поцеловала в макушку.

— Это называется счастье, дочка, — сказала она тихо. — Ты заслужила его. Пусть оно остаётся с тобой.

Я подняла голову, посмотрела в окно на звёздное небо, и улыбнулась. Впервые за долгие годы я чувствовала себя не шерифом Ребеккой, а просто женщиной, которая ждёт завтрашнего дня. И это было прекрасно.

Глава 6

Ночь после прогулки была самой короткой в моей жизни. Я лежала в постели, глядя в потолок, и улыбалась, вспоминая его глаза, его голос, его прикосновение. За окном шумел ветер, где-то лаяли собаки, а я чувствовала себя девчонкой, которая впервые влюбилась. Буцефал тихо вздыхал в конюшне, и я слышала его сквозь открытую форточку.

Засыпала я под утро, и сон был лёгким, цветным, полным закатов и серо-зелёных глаз.

Разбудил меня стук в дверь — резкий, настойчивый. Я вскочила, накинула халат и выбежала в коридор. На пороге стоял помощник Томас, запыхавшийся, в расстёгнутой куртке, с револьвером наготове.

— Шериф Ребекка, — выпалил он. — Срочный вызов. У старой мельницы нашёл тело. Мужчина, лет сорока, застрелен. Похоже на разбойное нападение. Мы думаем, что банда, которую вы арестовали, могла оставить сообщников.

Мгновение — и я уже в джинсах, рубашке, сапогах. Волосы наскоро собрала в пучок, кольт на пояс, шляпа на голову. Буцефал уже ждал у ворот — он чуял мою тревогу и перебирал ногами, фыркал, косил глазом в сторону дороги.

— Поехали, — сказала я, вскакивая в седло. — Показывай.

Мы мчались по утренней дороге, прохладный воздух обжигал лёгкие. Я чувствовала, как в груди разрастается тревога — нехорошее предчувствие, которое я научилась не игнорировать. В голове крутились мысли: почему именно сегодня? Почему после того, как я была так счастлива?

Старая мельница стояла у самой реки, покосившаяся, полуразрушенная. Тело лежало внизу, у самой воды, и я сразу увидела — пуля попала точно в сердце. Профессионально, без лишних страданий. На земле были следы копыт, но не один — как минимум трое всадников уходили в сторону леса.

Я присела на корточки, рассматривая рану, как вдруг услышала свист. Я обернулась — и увидела вспышку, и оглушительный выстрел. Пуля просвистела у самого виска и вонзилась в дерево позади меня. Я рухнула на землю, перекатилась за старую телегу и выхватила кольт. Сердце колотилось как бешеное, в ушах звенело.

— Томас! — крикнула я. — В укрытие!

Он нырнул за мельничное колесо, и мы открыли ответный огонь. Пули летели с двух сторон — из леса и с холма. Это была засада. Кто-то знал, что я приеду. И этот кто-то хотел, чтобы я не вернулась.

Я стреляла, перекачиваясь, прикрываясь телегой и ржавым железом. Буцефал, умное животное, отбежал в сторону и укрылся за деревьями — он знал, что в бою ему не место. Я видела мелькнувшую тень в лесу, выстрелила навскидку, и оттуда донеслось ругательство. Попала, но не смертельно.

Перестрелка длилась минут пятнадцать, пока помощники, услышавшие выстрелы, не подоспели с подкреплением. Бандиты скрылись, оставив на земле гильзы и кровавый след — один из них был ранен. Я встала, отирая лицо от пыли и пота, и почувствовала, как дрожит рука, сжимающая револьвер.

— Вы ранены? — спросил подбежавший помощник.

Я покачала головой, но в плечо саднило — пуля прорвала рукав и оставила глубокую царапину, кровь сочилась сквозь ткань. Я сжала зубы и, не подавая виду, велела оцепить место и обыскать лес.

Когда мы вернулись в город, отец ждал меня у ворот участка. Он был бледен, сжат, его глаза горели гневом и страхом. Он взял меня за плечи, осмотрел, увидел окровавленный рукав, и я увидела, как его лицо потемнело.

— Бекки, — сказал он голосом, который не терпел возражений. — С сегодняшнего дня ты работаешь с напарником. Постоянным. Я не позволю, чтобы моя дочь одна ездила на такие вызовы. Это приказ.

— Папа, я справляюсь, — возразила я. — Это была случайность.

— Случайность? — он повысил голос, чего почти никогда не делал. — Тебя хотели убить, Ребекка! Если бы ты чуть медленнее обернулась — пуля была бы в виске. Я не выдержу этого. Ты будешь брать напарника, и точка.

Я хотела спорить, но в его глазах стояла такая боль, что я не решилась. Внутри меня всё кипело — я не хотела опеки, не хотела, чтобы меня жалели, не хотела никого рядом, кроме себя и Буцефала. Но сейчас, когда адреналин схлынул, я чувствовала, как дрожат ноги и болит плечо. И где-то в глубине души я понимала — он прав. На этот раз мне действительно повезло.

На следующее утро он привёл его. Мужчина лет двадцати восьми, высокий, жилистый, с тёмными волосами, коротко стриженными, и пронизательными карими глазами. Лицо у него было приятное, с лёгкой небритостью и тонким шрамом на скуле — признак того, что он не новичок в своём деле. Одет был просто и практично: кожаный жилет, тёмные брюки, заправленные в сапоги, на поясе — два кольца и нож. Сразу видно — человек, который умеет действовать быстро.

— Это Каллен Рид, — сказал отец. — Лучший стрелок на всём Юге. Работал в четырёх городах, имеет рекомендации от самого маршала. Отныне он твой напарник. На постоянной основе.

Каллен смотрел на меня спокойно, без тени улыбки или подобострастия. Его взгляд скользнул по моей фигуре, по шляпе, по револьверу, по лицу — и задержался на мгновение дольше, чем нужно. Что-то мелькнуло в его глазах, но он быстро это спрятал, и лицо его стало бесстрастным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.